

Красняков Николай Иванович

**УНИВЕРСАЛИЗМ ФЕНОМЕНА "ИМПЕРИЯ" В ОПРЕДЕЛЕНИИ ИСТОЧНИКОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ XIX - НАЧАЛА XX ВВ.**

В статье дан анализ проблемы источников государственной власти в Российской империи XIX - начала XX вв. Основное внимание уделяется исследованию традиционных социально-правовых основ государства и народного представительства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-3/21.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. III. С. 79-81. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 34(09)

В статье дан анализ проблемы источников государственной власти в Российской империи XIX – начала XX вв. Основное внимание уделяется исследованию традиционных социально-правовых основ государства и народного представительства.

Ключевые слова и фразы: империя; Россия; государственная власть; бюрократизация; нация.

Николай Иванович Красняков, к.ю.н., доцент
*Кафедра теории и истории государства и права
Сибирская академия государственной службы
kofe51@yandex.ru*

УНИВЕРСАЛИЗМ ФЕНОМЕНА «ИМПЕРИЯ» В ОПРЕДЕЛЕНИИ ИСТОЧНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ XIX – НАЧАЛА XX ВВ. ©

Влияние фактора имперской государственности России на эволюцию системы источников государственной власти предполагает учет практики регулятивного воздействия многоуровневой публичной иерархии управления, тем более что категория власти вообще выступает первейшим признаком любого типа и вида государства. При этом обозначу, что государственное управление изучает процессы целеполагания, организации и регулирования общества в целом, осуществляемые государственной властью [7, с. 17], а также то, что естественно-общественные формы жизнедеятельности и уровень развития субъективного фактора определенного территориально и политически организованного социума предполагают межотраслевое или функциональное управление, т.е. обладающее надведомственными полномочиями, потому осуществляемое на коллегиальной основе бюрократией в совокупности. И при существующих подходах к определению понятия государственной власти выделим ее суть как волевого отношения, органа государства, социальной функции и совокупности полномочий [3, с. 94-99].

Вкратце замечу, что к первым абстрактным пониманиям научной категории «империя» следует отнести сформировавшийся к концу XVI в. западноевропейский смысл ее связи со значением статуса, государства и политических отношений, которые удерживали в союзе группы населения в расширенной системе [9, с. 37]. Советская наука восприняла буквально уже имеющееся толкование, устанавливая, что «империя – монархическое государство с императором во главе» [4, с. 220]. В современную технократическую эпоху сложных конструкций сложилось сочетающее формационный и цивилизационный подходы к государственности толкование этого неоднозначного явления, отражающее дуалистический политический смысл, которое выражено в определении: «империя (лат. *imperium* – власть, государство) – монархическое государство, главой которого является император; империей назывались также государства, имевшие колониальные владения (Британская, Французская)» [8, с. 231]. И поскольку происхождение этого слова означает *власть, государство*, которое может быть федерацией, унитарным или содружеством свободных государств с определенной субординацией, то ясно, что имеем, соответственно, предметом исследования широкое поле научно-методологической деятельности в историко-теоретическом и научно-практическом плане.

Унаследованные Западной Европой государственно-правовые традиции вплоть до конца XVIII в. сформировали в имперской политике и административной практике России взгляд на империю как на государство с многообразными территориями под властью одного монарха, то есть независимое правление с включением в него более одной совокупности народ-территория и монополия на власть и закон одного индивидуума, субъекта права. Как видим, империя в комплексе обстоятельств, пока не в системе наука-практика, означала, в основном, политическую сферу жизнедеятельности общества, подразумевая контроль государством политического суверенитета в его отношениях с подчиненной периферией. То есть, империя – сложносоставное и сложноцентрализованное государство, по своей природе господствующее в отношении более чем одного субъекта типа «власть-население-территория», определяя компоненты дальнейшего развития обозначенных объектов государственного управления. А регулятивная практика имперской бюрократии предопределила, что империя, скорее всего, не многонациональное государство, если в нем господствуют неравноправные политические связи или степень подчинения различна в отношении народов.

Специфика созданного Петром I к концу XVIII в. государства, следует признать, характеризуется переходным состоянием к абсолютизму, ввиду присутствия лишь некоторых или не вполне сформировавшихся параметров абсолютизма, в частности, самодержавная верховная власть; регулярная армия и флот; централизованная и унифицированная система финансов; четырехзвенная сословная структура; не в полном объеме огосударствленная церковь; основанная на «личном начале» и потому неразвитая государственная служба; несложившаяся политика управления регионами империи; несоответствующая объективным общественно-экономическим и противоречащая показателям сословной мобильности сложная судебная система. Можно предположить, что с этого времени начинает утверждаться имперская сущность России, которая проявлялась в формальном статусе государства, доминировании неограниченной высшей власти с опорой на

бюрократическую (уже не церковную) элиту, идеологии служения Отечеству, имперской завоевательной политике, христианской православной церкви – наследнице Византии и потому защитнице православия в Европе. На этой основе должен был и мог осуществиться процесс интеграции различных народов в российское сообщество сословий, причем с сохранением различий во властно-правовых отношениях их с центром. Отсюда возникает проблема соотношения традиционализма, модернизации, либерализма и бюрократии в процессе трансформации российского общества в империю.

В то время как Европа развивалась в рамках национальной государственной парадигмы, народного суверенитета, конституционализма и парламентаризма, в России основополагающими факторами сохранялись устойчивость имперской элиты, органичное длительное сочетание общеимперского права и местных правовых систем отдельных территорий, при условии примата первого (и во второй половине XIX в. «власть самодержавная оставалась источником и началом всякой другой власти в государстве») [6, л. 2], и закрепление огромных территорий в едином политико-правовом пространстве, поскольку формирование этнической нации было особенно затруднительно. Соответственно можно предложить гипотезу, что наиболее выраженные имперские свойства присущи России начиная с XIX в., ввиду наибольшей концентрированности власти бюрократии и в связи с существенным расширением пределов империи на Западе и Юге. Также думается, есть смысл указать, что победа России над наполеоновской Францией в 1812-1815 гг. оказала идейно-политическую поддержку российского варианта имперской власти, расширив геополитическую поддержку монархии европейской элитой, в частности, особенно со стороны других империй – Австрии и Пруссии.

Однако прежняя конструкция формирования и закрепления имперского статуса государств Европы путем завоеваний и божественного провидения уже к середине XIX в. – началу парламентаризма, идеологически себя вовсе исчерпала; модернизирующиеся империи находили новые источники власти, механизм действия которых был основан на ее цивилизаторской миссии. Если на ранних стадиях развития империи легитимация правителя, как правило, была духовного или религиозного свойства, то эволюционирующий модернизационный императив ее развития предполагал соответствующий социальный и юридический инструментарий. Потому, осуществляя реформы, имперские бюрократы создавали разнообразные местные и имперские учреждения, которые затем требовали больше власти, будучи не в состоянии обеспечить последовательное и согласованное руководство. Вместо этого представительные учреждения фиксировали религиозное и этническое разнообразие в пределах поликультурных империй. Тем временем возрастающая десакрализация правителя угрожала лишить государство основной объединяющей силы, не предоставляя жизнеспособной замены [5, с. 35]. При этом государственная власть в форме бюрократии во главе с монархом в рамках этого нового подхода, демократизируя политико-правовую жизнь империи и при этом не меняя своей природы, неуклонно создавала условия для материального и интеллектуального благосостояния, влекущего стремление к самостоятельному политическому бытию «нецивилизованных» народов, действовала, по сути, нелогично. Так можно признать, что обычные механизмы устойчивого развития империи: дифференциация власти, общность и легитимность имперской элиты, более развитый тип общественно-политической системы центра – постепенно как принципы государства теряют свое значение, делегитимизируя центральную государственную власть.

Вследствие обозначенных тенденций констатируем, что реформирование высшей власти монарха и имперской бюрократии в дальнейшем могло бы проходить прогрессивно путем формирования не этнической, а политической нации в Российской империи на основе автономистских, присущих с XVIII в., государственно-правовых традиций. Если говорить о России рубежа XIX-XX вв., то очевидным следует признать разделение высшего общества и государственной власти на тех, кто стремился к реформированию государства с целью представления интересов во власти различных территорий империи и социальных слоев, лишенных представительства, сокращению и ликвидации социального и этнического неравенства и на тех, кто не считал необходимым уменьшать традиционную роль самодержавия, партикуляризма в праве и институтов патриархально-дворянского государственного управления. В начале XX в. бюрократы отстаивали принципы конституционно-дуалистической системы, предусматривавшей ограничение власти монарха только в законодательстве [2, с. 77], и вовсе не стремились к развитию представительства народа и выборности власти в качестве ее источника, то есть не допускали развития политической нации. Потому есть смысл высказать суждение, что, отказавшись от этнического национализма, строительство империи и политической нации проходило бы более эффективно. Однако традиционный «самодержавно-земский порядок все больше уступал место самодержавно-бюрократическому [1, с. 31]», увеличивая разрыв между властью и народом. И даже изучение короткого периода (с 1895 по 1904 гг.) позволяет сделать вывод, что к рубежу веков единая идеология правящей бюрократии уже не могла монополизировать российское видение своего места в мире, поскольку на эту роль не годились не мессианизм «третьего Рима», ни «стремление к морю», ни «усмирение границ», и никакая другая эксклюзивная идеология [10, с. 225].

Можно сказать, что, не заменяя постепенно бюрократические средства механизма государства увеличением значимости и доли земских, местных элементов в империи, государство усугубляло наметившийся кризис общественно-политической системы трудноформируемой полиэтничной империи. Если в отношении внутренних губерний удалась политика этно-социальной гомогенизации и формирования однородного центрального региона, то попытки создать подобную же модель в западной и южной периферии имели временный успех или вовсе оказывались неудачными. Ослабление государственной идеологии, дезинтеграция в связях господства-подчинения, координации-согласования снижали легитимность имперской власти, отчуждали государственный механизм с его принципами дифференциации и иерархии и государственный

строй друг от друга. Цивилизаторская роль государства, идентифицируемая с народным представительством, национализмом, конституционализмом и парламентаризмом, воспринималась в начале XX в. все менее формально-определенной и все более субъективно оформленной.

Список литературы

1. **Богословский М. М.** Из истории верховной власти в России. Изд-е 2. Петроград: Типография «Задруга», 1918. 34 с.
2. **Куликов С. В.** Правительственный либерализм начала XX века как фактор реформаторского процесса // Империя и либералы: материалы международной конференции: сборник эссе. СПб.: Звезда, 2001. С. 66-81.
3. **Малый А. Ф.** Государственная власть как правовая категория // Государство и право. 2001. № 3. С. 94-99.
4. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. Изд-е 13, исправ. М.: Русский язык, 1981. 816 с.
5. **Рибер А.** Сравнивая континентальные империи // Российская империя в сравнительной перспективе: сборник статей / под ред. А. И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. С. 35-66.
6. **Российский государственный исторический архив.** Ф. 1261. Оп. 10. Ед. хр. 81.
7. **Система государственного и муниципального управления:** учебное пособие. Изд-е 2, доп. и перераб. / под общ. ред. Г. В. Атаманчука. М.: Изд-во РАГС, 2007. 456 с.
8. **Современный словарь иностранных слов.** Изд. 3-е, стер. М.: Русский язык, 2000. 742 с.
9. **Суни Р. Г.** Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная идентичность» и теории империи // Национализм в мировой истории / под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2007. 601 с.
10. **Схиммельпенник Ван Дер Ойе Д.** Идеологии империи в России имперского периода // Ab Imperio. 2001. № 1-2. С. 216-240.

**“EMPIRE” PHENOMENON UNIVERSALISM IN DETERMINING THE SOURCES OF STATE POWER
IN RUSSIA IN THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURIES**

Nikolai Ivanovich Krasnyakov, Ph. D. in Law, Associate Professor
Department of Theory and History of State and Law
Siberian Academy of Public Service
kofe51@yandex.ru

The author analyzes the problem of state power sources in the Russian empire of the XIXth – the beginning of the XXth centuries and pays special attention to researching traditional social-legal bases of state and representation of the people.

Key words and phrases: empire; Russia; state power; bureaucratization; nation.

УДК 342(470)

В статье рассматриваются современные подходы к определению правовой базы инновационной деятельности в Российской Федерации. Сравнивая различные точки зрения, автор предлагает рассматривать инновационную деятельность в широком смысле, как межотраслевой институт российского права.

Ключевые слова и фразы: инновации; инновационная деятельность; правовое регулирование; интеллектуальная собственность; институт права.

Елена Олеговна Кузьмина

Кафедра таможенного, административного и финансового права
Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
kuzminaeo@list.ru

О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ[©]

В программной статье Дмитрия Медведева «Россия, вперед!» один из акцентов делается на правовое регулирование инновационной деятельности: «Законодатели примут все решения для комплексной поддержки духа новаторства во всех сферах общественной жизни, создания рынка идей, изобретений, открытий, новых технологий. Государственные и частные компании получат всемерную поддержку во всех начинаниях по созданию спроса на продукты инновационной деятельности» [5]. Таким образом, развитию инновационной деятельности, в том числе совершенствованию правовых инструментов ее регулирования, в настоящее время уделяется приоритетное внимание при определении вектора государственной политики Российской Федерации.

Анализ литературы позволяет выявить три существующих подхода к определению правовой базы инновационной деятельности.